

Россия и международные договоры по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений

*Матвеев А.А.**

Радикальная трансформация экономической и правовой системы Российской Федерации, произошедшая за последние 15 лет, высветила ряд вопросов, ответ на которые должен определить условия и формы взаимодействия правовой системы России с правовыми системами других государств и их объединений. При оценке состояния дел в этой области приходится принимать во внимание одновременное проявление различных, порой даже взаимоисключающих тенденций.

Во-первых, совершенно очевидно, что надо принять во внимание глобализацию социально-экономических процессов и вращение российского народного хозяйства в международные экономические отношения, в глобальную экономическую среду. Международные связи российского бизнеса сохраняют устойчивый вектор к росту, и нет никаких оснований полагать, что эта ситуация может измениться. Значительный сегмент нашего бизнеса ориентирован на международную деятельность, в рамках которой он чувствует себя достаточно комфортно. Соответственно предприниматели испытывают вполне понятную потребность в том, чтобы их международная деятельности опиралась на надежный фундамент правового регулирования, а их права и интересы могли находить эффективное правовое признание и защиту. Из этого сектора российских деловых кругов и ориентированных на них представителей судебно-адвокатского сообщества часто слышатся призывы к скорейшей интеграции России в европейское правовое пространство (под которым понимается прежде всего ЕС), к приданию максимальной открытости российской судебно-правовой системе, к всемерному облегчению процедур международного гражданского процесса.

Во-вторых, приходится учитывать то, что судебная реформа в Российской Федерации еще далека от завершения. Под реформой здесь

* Матвеев Александр Александрович – заместитель директора Правового департамента МИД России.

нужно понимать не просто лозунги и цели, поставленные политическим руководством, но и детальную правовую регламентацию деятельности судебных органов, да и саму их работу. Судебная реформа тогда найдет свое воплощение в реальности жизни, когда функционирование учреждений юстиции станет неотъемлемой частью обычной жизни, обращение к судопроизводству лишится признаков исключительности и драматизма. Понятно, что до этого этапа нам еще долго добираться.

В-третьих, следует принять во внимание, что за внешней легкостью взаимодействия и взаимопроникновения правовых систем современного мира скрывается весьма ожесточенная конкуренция. Развитые государства, и это особенно характерно для ЕС, осознают, что признание и распространение их правовых стандартов и процедур – залог их влияния на международные дела и глобальную экономику на длительную перспективу. Сторонники правовой реформы в России, заинтересованные в придании устойчивости нашему судебнo-правовому механизму, указывают на эти факторы как на потенциальную угрозу для еще недостаточно зрелой правовой системы России, чье естественное развитие может оказаться деформированным в случае неосмотрительного или поспешного раскрытия окружающему миру. Они подчеркивают, что сначала необходимо завершить постройку надежного корабля российского судопроизводства и только после этого пускаться в плавание в открытом море международного правового сотрудничества.

Должен сказать, что на сегодняшний день официальная правовая позиция российского государства близка мнению именно этой группы сторонников постепенного, продуманного вовлечения России в международные правовые механизмы.

Наглядно это проявляется в отношении к перспективам использования Российской Федерацией международных инструментов признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Дискуссия по этим вопросам идет достаточно активно и в научных кругах, и среди юристов-практиков, и в государственных учреждениях. Данные вопросы отработаны в соответствующих соглашениях в рамках СНГ, а также в ряде двусторонних договоров Российской Федерации. Но и применительно к СНГ, где начинать работать было неизмеримо легче (надо было просто не очень спешить разрушать связи между учреждениями юстиции на пространстве бывшего СССР), сегодня не все обстоит гладко. Правительству России не один раз в последнее

время приходилось по просьбе российских предприятий заниматься решением проблем, связанных с неисполнением российских судебных решений на территории других государств-партнеров. Причем речь идет о решениях по искам, цена которых доходит до многих миллионов долларов. Возникают проблемы и обратного свойства, когда решения, вынесенные судами государств СНГ, не исполняются в России, нередко в силу ошибочных представлений наших судей о международном праве и международных договорах Российской Федерации. Опять-таки здесь речь идет об однотипных правовых системах, о судьях, которые хорошо понимают друг друга. Но перевод их общения на формально-юридический язык даже в этих благоприятных условиях связан со значительными затруднениями.

Подобные проблемы связаны, например, с выполнением Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года.

Именно поэтому российское государство столь осторожно и взвешенно подходит к перспективам участия в многосторонних конвенциях. Луганская конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам от 16 сентября 1988 года относится к их числу. Многие российские юристы, в том числе представители судебных органов, выступают за скорейшее присоединение России к этой конвенции. Они видят в ней мост, с помощью которого можно будет прочно связать правовые системы России и Западной Европы. Это, конечно, упорядочит функционирование судебных органов России и государств – участников Луганской конвенции, пойдет на пользу компаниям, ведущим российско-европейский бизнес, даст им уверенность в том, что решение, вынесенное в западноевропейском суде, можно будет привести в исполнение в России и наоборот. Все это, бесспорно, представляет собой весьма привлекательную перспективу.

Вопрос, однако, в том, готова ли Западная Европа, которой потребовалось длительное время, чтобы согласовать единый механизм в данной области, видеть Россию в качестве полноправного участника. Та информация, которую мы получаем на этот счет, позволяет дать скорее отрицательный ответ. Российская судебная-правовая система оценивается как недосформировавшаяся, как не накопившая убедитель-

ного опыта практической работы. Это позволяет нашим партнерам делать вывод о ее недостаточной зрелости. А поскольку присоединение к Луганской конвенции возможно только с единодушного согласия всех государств-участников, боюсь, переговоры о нашем присоединении к ней могли бы оказаться столь же трудоемкими и длительными, как и наши попытки вступления в ВТО.

Но это, в конце концов, момент формальный. Более существенно само содержание Луганской конвенции, а именно то, что Луганская конвенция посвящена не просто признанию и приведению в исполнение судебных решений, а прежде всего договоренностям по вопросам международной юрисдикции национальных судов.

Важнейшее достижение Луганской конвенции – это унификация правил в отношении международной юрисдикции судов государств-участников. Государствам – членам ЕС и ЕАСТ удалось решить сложнейшую проблему, которая всегда возникает в процессе признания и исполнения иностранных решений, а именно: исключительную юрисдикцию своих судов. Решена эта проблема основательно – путем введения единых критериев определения подсудности по спорам по широкому кругу вопросов по гражданским и торговым делам. Именно эти правила Луганской конвенции, относящиеся к единому определению международной юрисдикции судов государств-участников, составляют наиболее ценный ее элемент. Понятно, что в условиях, когда есть ясность на этот счет и налицо однотипность судебной практики западноевропейских государств (включая соразмерность санкций), решение собственно вопроса о признании и приведении в исполнение иностранных решений становится заметно более легкой задачей.

Однако именно по вопросу о юрисдикции для нас возникают весьма существенные трудности. Российский законодатель совсем недавно определил границы исключительной юрисдикции российских судов (например, в статье 248 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, где устанавливается исключительная компетенция арбитражных судов, несовместимая с Луганской конвенцией) и, насколько мы понимаем, не будет спешить их пересматривать.

Кроме того, вряд ли приходится ожидать, что государство откажется в принципе от этого инструмента правовой политики и регулирования.

Дополнительную сложность для законодателя порождает и ныне существующая уникальная российская государственно-правовая система, в которой отсутствует верховная судебная инстанция. Верхов-

ный суд и Высший арбитражный суд у нас в равной степени «верховны», что означает возможность различных стандартов в правосудии при решении однотипных вопросов. Сейчас эти различия закрепляются уже и в законодательном регулировании. Например, в гражданском (статья 401) и арбитражном (статья 251) процессуальных кодексах принципиально по-разному решен вопрос об иммунитете иностранного государства и его собственности. Подобный дуализм российской судебной системы – не только серьезная внутренняя проблема, но и препятствие для полноформатного вовлечения правовой системы России в международное сотрудничество.

Таким образом, на пути участия России в Луганской конвенции лежат по меньшей мере две существенные преграды: неготовность европейцев видеть нас в числе участников и нежелание российского законодателя лишаться свободы определять пределы исключительной юрисдикции российских судов.

Только ли у России возникают подобные проблемы? Отнюдь нет. Луганская конвенция, которая представляет собой сколок с Брюссельской конвенции 1968 года, рассчитана прежде всего на окультуривание смежных с ЕС пространств. Ее более широкое применение оказалась практически неосуществимым. Наиболее симптоматичным является отношение США, которым было крайне сложно определиться с рецептами определения международной юрисдикции, заложенными в конвенции, и жесткостью ее правового регулирования, оставляющего мало места для проявления свободы частных лиц в вопросах юрисдикции и судебных процедур урегулирования споров.

В этих условиях было сочтено необходимым найти иное решение. Его поиском занялась Гаагская конференция по международному частному праву. Работа в рамках конференции ведется на протяжении многих лет. Но только в прошлом году она вышла на этап непосредственных межгосударственных переговоров. До этого дискуссии велись среди экспертов, выступавших в личном качестве, и в различных рабочих группах, где участники пытались применить мало совместимые подходы США и ЕС. Как это часто бывает на международных переговорах по фундаментальным проектам, работа начиналась с выработки весьма детальных положений по широкому кругу вопросов международного судебного процесса. Западноевропейцы, которые базировались на Брюссельской и Луганской конвенциях, пытались, естественно, воспроизвести их положения, относящиеся к определе-

нию международной юрисдикции. У США и других государств был, однако, свой взгляд на эти проблемы. В итоге достичь единой точки зрения не удалось, и участники переговоров в этом расписались, попросту исключив вопросы определения международной юрисдикции национальных судов из будущей конвенции.

Аналогичная судьба постигла и положения, связанные с вопросами правовой помощи и многими другими деталями взаимодействия государств-участников.

Что же пока остается? Остается достаточно либеральный инструмент, который позволяет участникам экономической деятельности договариваться о выборе суда, которому они будут передавать на разрешение свой возможный спор. Рабочее название – конвенция о соглашениях о выборе исключительной подсудности. Согласно конвенции суд будет обладать юрисдикцией, а его решения будут подлежать признанию и принудительному исполнению на территории других государств-участников. Правда, на этапе признания могут проявить себя нормы государства, на территории которого запрошено признание, об исключительной юрисдикции его судов. Это, естественно, существенный ограничитель. Участники переговоров осознавали это. Выход мыслился в том, чтобы ограничить применение будущей конвенции кругом вопросов, которые заведомо исключали бы те, по которым государство любит оставлять решение за собой. Это привело к тому, что конвенция теперь ориентирована на отношения между компаниями (*business to business relations – B2B*). В статье 1 дается обширный перечень вопросов, на которые действие конвенции не распространяется. Среди них – продажа товаров и услуг потребителям, трудовые договоры, статус физических лиц, вопросы семейного права, несостоятельность, договоры морской перевозки грузов, антимонопольные ограничения, вещные права на недвижимость, образование и прекращение юридических лиц, интеллектуальная собственность. Однако даже такой широкий перечень не в полной мере соответствует нормам российского законодательства об исключительной юрисдикции наших судов. Впрочем, переговоры и по этому вопросу еще продолжаются.

Среди других отличительных моментов следует отметить характер самих соглашений о выборе суда. От первоначально весьма либерального взгляда, предложенного США, предполагавшего полную свободу в определении любой юрисдикции, факультативность и альтернативность выбора (допускалось даже в том же самом соглашении част-

ных сторон сосуществование арбитражной и судебной оговорок), на нынешнем этапе участники переговоров пришли к выводу о необходимости ограничить действие конвенции так называемыми исключительными соглашениями о выборе суда. В отличие от первоначального подхода американцев, готовых учитывать любые соглашения частных лиц о выборе суда (но решения которого согласно конвенции были бы обязательны для признания в других государствах-участниках), сейчас речь идет об обязанности частных лиц четко определить один конкретный суд (либо суды одного государства), и только в этом случае будет включаться определенный в конвенции механизм признания решения такого суда (суда такого государства). В остальном положения конвенции достаточно предсказуемы, хотя переговоры по ним еще не завершены, а по заключительным положениям и вовсе не начинались.

Таким образом, различия между Луганской и Гаагской конвенциями весьма существенны. Луганская конвенция предполагает значительную степень унификации процессуальных норм государств-участников, содержит детальное регулирование и надежные гарантии исполнимости судебных решений. Но участвовать в ней могут лишь государства со сходными правовыми системами, а присоединение новых государств превращается в трудоемкий и длительный процесс.

Гаагская конвенция идет по пути создания условий для максимально широкого участия в ней государств, вообще не ставя вопрос об унификации каких-либо процессуальных норм. Все это остается на усмотрении каждого государства-участника. Однако при этом конвенция закладывает основы для свободы, пусть и ограниченной, частных лиц выбирать суд по своему усмотрению, а затем добиваться признания и приведения в исполнение решения избранного ими суда на территории других государств-участников, причем по упрощенной процедуре, заимствованной из Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года.

С учетом этих различий бессмысленно спорить, какая конвенция лучше. Они преследуют неодинаковые цели, их предмет регулирования различается, но они обе способны играть полезную роль.

Для России, однако, сегодня не стоит вопрос о выборе между Луганской и Гаагской конвенциями. Незавершенность реформы судебно-правовой системы склоняет государство к мнению о предпочтительности искать решение вопроса признания и приведения в исполнение

иностранных судебных решений в рамках двусторонних отношений. Этому, в первую очередь, посвящены заключаемые соглашения о правовой помощи и правовых отношениях, включая готовящийся новый типовой проект международного договора Российской Федерации с иностранным государством в этой области. Нельзя, однако, исключать, что дискуссии в ведомствах и научных кругах поставят перед исполнительной властью в практическую плоскость и вопрос об участии России в многосторонних конвенциях.